

УДК 09+93

«ТО, ЧТО ГОТОВЯТ РОССИИ ТЕОРИИ»: ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ ЗАПАДНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В РУССКОЙ ПРЕССЕ ВРЕМЁН НИКОЛАЯ I

Илья М. Старцев¹.@

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 163002, Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17

@ iljastarcev@gmail.com

Поступила в редакцию 18.04.2018. Принята к печати 09.06.2018.

Ключевые слова:

Николай I, либерализм, моральные ценности, религия, консерватизм, коммерциализация литературы, Запад.

Аннотация:

В статье рассматривается образ Запада в русской прессе эпохи Николая I. При рассмотрении образа Запада акцент делается на негативных тенденциях, которые русская пресса обнаруживала в современной западной жизни. Одним из главных предметов критики был парламентаризм. Парламентский строй критиковался за слабость и невозможность проведения последовательной политики. Также русские журналы критиковали Запад за отказ от традиционных ценностей и отход от религии. Отход от религиозной нравственности во Франции и других странах воспринимался как причина упадка культуры. Капитализм критиковался русскими журналами с моральной точки зрения. Коммерциализация жизни вкупе с упадком нравственности воспринималась как главная причина упадка западноевропейской литературы. В заключение делается вывод о том, что все тенденции, замеченные русской прессой в западной жизни, начали себя проявлять в России ещё в конце правления Николая I, а в эпоху Александра II стали публичными.

Для цитирования: Старцев И. М. «То, что готовят России теории»: отрицательные стороны западного образа жизни в русской прессе времён Николая I // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 60–67. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-60-67>.

Сергей Уваров, вступив на пост министра народного просвещения Российской империи, сформулировал своё кредо следующим образом: «Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно». Чтобы понять, насколько результативна была его политика, надо прежде всего определиться с тем, что такого «готовили России теории». Это можно узнать, обратившись к русской прессе времён Николая I.

Вынесенные в заголовок данной статьи определения того, что критиковала русская пресса, во многом условны. Критике подвергалось общество, которое мы бы сейчас назвали «западным», однако, если приглядеться к терминологии 1820–1850-х гг., мы почти не увидим Запада в современном значении, и уж тем более не Запад является предметом критики. Безусловно, определение Европы и Запада как региона и как «цивилизации» (допустим этот термин, хотя он тоже малоприменим к реалиям николаевской эпохи), как некоего стиля жизни бытовало в России ещё с XVIII столетия, чему служил примером хотя бы журнал «Вестник Европы» Н. И. Карамзина. Но, во-первых, если мы рассмотрим, кого подвергали критике, то получится, что критиковался далеко не весь Запад. Понятие «Западная Европа» в те времена имело достаточно чёткие границы – включая в себя Францию, Швейцарию, Австрийскую империю, Пруссию, остальные государства Германского союза, Бельгию и Нидерланды [1]. Таким образом, в состав тогдашнего Запада входили государства, которые сейчас отно-

сятся к Западной, Центральной и «старой» Восточной Европе – от Бискайского залива до Карпат, при этом не включая в себя Испанию, Италию и Скандинавию. Если мы посмотрим на то, какие страны в первую очередь подвергались критике, то увидим, что критиковались порядки Англии и Франции, в то время как большая часть западноевропейских государств (прежде всего, государств германских) не подвергалась подобным оценочным суждениям (да и вообще внимания к этому региону было намного меньше, чем к Франции и Великобритании).

Во-вторых, важно, что отношение к Западу в первой половине XIX столетия не было антагонистическим. Россия воспринималась как часть Запада. Конечно, с 1840-х гг. начинаются дискуссии о неких изначальных принципиальных отличиях европейского пути от русского. (Здесь можно выделить статью С. П. Шевырёва «Взгляд русского на образование Европы», напечатанную в «Москвитянине» в 1841 г. [2], или же статью А. А. Краевского, открывавшую первый номер «Отечественных записок»). Авторы делали упор на то, что психологию народа и, соответственно, его историческое развитие определяет религия – так, С. П. Шевырёв делил Европу на католическую и протестантскую – со своими особенностями, но в равной степени противопоставлял им православную Россию (нельзя не отметить, что на подобном подходе основаны и взгляды П. Я. Чаадаева). Но если в целом взглянуть на образ Запада в русской прессе николаевского времени, получится, что прямого противопоставления

Запада и России на тот момент не наблюдалось. Отношение к Западу того времени можно сформулировать фразой Ф. И. Тютчева из письма к П. А. Вяземскому от марта 1848 года: «Мы принуждены именовать Европой то, что не должно иметь другого имени, кроме «Цивилизация» [3, с. 285]. Западная Европа воспринималась как центр «всемирного просвещения» [4], наиболее передовых научных технологий и веяний культуры. Запад задавал некий стандарт просвещения и культуры, к которому должны были стремиться остальные страны. Даже в программной статье «Москвитянина», написанной М. П. Погодиным [5], не отрицалось влияние западноевропейского просвещения на формирование России как современной великой державы. Для Погодина было нормой отсчитывать эпоху современной России от Петра I. Он считал, что Россия пошла своим собственным, отличным от западноевропейского путём только со времён Николая I. Выбор именно такого временного промежутка неслучаен, ведь именно с царствования Николая I между Россией и Западной Европой начинает увеличиваться трещина – главным образом идеологическая. После Великой Французской революции в европейской жизни появляются элементы, которых русская консервативная пресса не переваривала.

Либерализм и политическая слабость

Прежде всего, речь пойдёт о либерализме и изменениях, произведённых в политической и социальной жизни Англии и Франции. Здесь снова необходимо отметить, что характеристики «либеральные» и «демократические» применительно к политическим изменениям в Западной Европе несколько условны. Конечно, термин «либерализм» как политическое течение в тогдашней Европе вполне был в ходу, в частности, так называла себя конституционалистская оппозиция (во время Великих реформ термин сменится на «прогрессисты»). Однако в русской прессе в описании событий во Франции или других странах этот термин применялся далеко не всегда. Чаще употреблялись описательные определения типа «рыцари свободы» (в ироничном ключе) [6, с. 228], «конституционалисты», «оппозиция» – когда говорилось о сторонниках реформ. К революционерам применялась терминология типа «радикалы», «анархисты» или просто «бунтовщики». Причём стоит отметить, что к революционерам, действующим под прогрессистскими лозунгами (либеральными или социалистическими), отношение было в целом отрицательным в отличие от бунтов легитимистов. Единственным исключением здесь может служить гражданская война в Португалии, где симпатии русской прессы были на стороне императора Бразилии Педро, а не ультраконсерватора регента Мигеля. В основе подобного отношения лежит идеология монархизма и легитимизма, однако оно обосновывалось вполне конкретными недостатками, которые русские журналисты находили в порядках, привнесённых революцией.

Наиболее часто ругали Францию – по понятным причинам она воспринималась как источник всех волн революции. Стоит отступить немного назад и вспом-

нить, что одно из первых определений того, чем вредна революция, дал как раз С. С. Уваров ещё в 1814 г. в статье «Император Всероссийский и Бонапарт», опубликованной в «Сыне Отечества» [7]. В ней позиция Уварова такова – революция в целом была попыткой улучшить систему европейских государств, но попыткой наивной, ибо на вулкане прочное здание не построишь. Попытки же реформ «на вулкане» привели к хаосу, общему ухудшению дел и, как следствие, к тирании, обещавшей все поправить. Итоги же 20 лет войн Уваров, как ни странно, оценивал скорее положительно – народы «почувствовали свою силу», поэтому пути назад к тирании быть не может. По его мнению, будущее было за конституционными монархиями английского образца, уравнивающими законность и свободу. При этом конституции должны были даваться «сверху», а не «снизу». Интересно, что почти те же выводы сделал из произошедшего в Европе декабрист П. И. Пестель [8, с. 118].

Данный посыл сохраняется и в дальнейшем. Именно как пытающаяся что-то «строить на вулкане» критиковалась Июльская монархия во Франции. Луи-Филиппа больше критиковали не за его «незаконность» и даже не за буржуазный стиль жизни (хотя такие нападки тоже случались [9]), а за его внутреннюю политику. О короле Франции писали как о человеке слабом, отдавшем страну во власть хаоса, когда всё подчинено парламенту, а король фактически не имеет власти. Как писал по этому поводу С. П. Шевырёв в 1841 г., «король томится, словно в клетке, в Елисейском дворце» [10, с. 358]. При этом отмечалось, что традиционная опора власти в любом нормальном государстве – родовая аристократия в лице Палаты Пэров – также лишена всяческого влияния. Палата же депутатов Франции виделась состоящей из продажных ораторов, не способных договориться меж собой. Таким образом, возникала, по словам М. П. Погодина, серия быстрых шахматных игр, где «пешки постоянно проходят в ферзи, а королю все время мат» [11, с. 119]. Постоянно сталкиваются между собой узкопартийные корыстные и (или) идеологические интересы, а об интересах страны никто не думает.

В 1840–1850-е гг. даже конституционная монархия Великобритании стала критиковаться за подкуп избирателей и хаос во время выборов. В 1840 г. официальный «Военный журнал» даёт следующую характеристику парламентаризму: «одно сословие овладевает, правит, и разделяет между собой должности; другое, столь же жадное, шумит, вопиет против злоупотреблений, выступает против действующей власти, ... а, заступив на её место, поступает не лучше» [12, с. 117]. В 1852 г. «Сын отечества» критикует «слабость парламента и зависимость всех дел от влияний, которыми не всегда управлять можно» [13, с. 81–83], а также стычки и беспорядки на выборах, достойные скорее «дикарей-людоедов, нежели жителей просвещенного Альбиона» [13, с. 84].

Можно сделать вывод, что именно из таких взглядов на парламентаризм рождается образ парламента как «говорильни», озвученный позже К. П. Победонос-

цевым. Именно страх перед парламентской анархией привёл к провалу проекта «конституции Лорис-Меликова» в 1881 г. [14, с. 22–26]. Именно отношение к парламентской форме правления как к разносику хаоса привело к тому, что российские власти выступали против введения конституции.

В этом отношении интересно, что когда во Франции к власти пришёл Луи-Наполеон Бонапарт, то отношение к стране изменилось в лучшую сторону. Это было заметно и на уровне государственном – и Луи-Наполеон, и Николай I благожелательно (до Крымской войны) отзывались друг о друге [15, с. 181; 16, с. 7–18]. Оценки русской прессы позволяют понять, что в Луи-Наполеоне видели сильного правителя, способного вывести Францию из хаоса. Так, уже в начале 1852 г., обозревая первые шаги недавно вступившего в должность «принца-президента», в «Сыне отечества» писали: «нет оппозиции, нет препятствий ... Правительство будет иметь совершенную свободу действий ... это и было нужно для Франции ... Подождем плодов этой системы, и пожелаем Франции достигнуть спокойствия, благосостояния и благоразумной свободы» [17, с. 32]. О Луи-Наполеоне говорили как о «хорошем республиканском лидере», наконец-то наведшем порядок во Франции. «Сын отечества» радовался тому, что «сила и искусство Президента оттолкнули многих от либеральных идей» [18, с. 75], «французы охладели к (прим. автора: избирательным) правам, которыми ранее дорожили» [13, с. 51].

Отдельную тему являла свобода слова. Ситуация времён Июльской монархии, когда существовало большое количество оппозиционной прессы, которая порой очень жёстко критиковала правительство и открыто сочувствовала участникам восстаний [19, с. 792–808], в России воспринималась как неправильная. Репрессии принца-президента против оппозиционной прессы подавались как позитивная мера: «Франция обязана спокойствием (прим. автора: принятым мерам) строгости против журналов» [18, с. 87]. На утверждение бельгийской газеты *Independence Belge* о том, что «политика во Франции умерла», «Сын Отечества» отвечал: «Франции необходим отдых, развитие общественного благосостояния под сенью законной власти» [20].

Частью свободы слова были публичные судебные процессы во Франции. Русские журналисты не уставали возмущаться «мягкими» приговорами парижских судов, когда, по словам М. П. Погодина, «Помиловали отцеубийцу только из-за того, что ему не удалось совершить убийство, хотя это была не первая попытка!» [9, с. 443]. Сам факт публикации судебных приговоров в газетах также сначала шокировал, но потом их начали перепечатывать и русские издания. Первым русским журналом, который завёл рубрику «Судебные случаи», стал «Современник». Изначальная цель была в том, чтобы познакомить русского читателя с юридической системой Франции. Но позже судебно-процессуальные аспекты отошли на второй план. Интерес для читателя определённо стала представлять сама уголовная хроника – прообраз будущего интереса к детективу [21, с. 294–306]. Сначала публиковали сю-

жеты из французских газет, потом из других стран Европы, а уже после Великих реформ популярной стала русская судебная хроника.

Судебная система представляет собой переход между сферой политического и частной жизнью. В культуре и быту западных государств также появились нововведения, которые резко критиковались русской прессой.

Безбожие и аморальность

Одним из последствий Просвещения русская пресса называла (что отчасти соответствовало действительности) упадок морали и религиозности европейского общества.

Стоит отметить сразу, что данный элемент критики наименее из всех можно считать критикой Европы как таковой. В безбожии прежде всего обвинялась революционная Франция. Так, для М. П. Погодина, путешествовавшего по Франции в 1839 г., обезглавленные статуи святых в Пантеоне / храме Святой Женевиэвы выступали одним из символов революции [9, с. 450]. В то же время англичан считали народом вполне религиозным, и чопорность уже тогда начала становиться стереотипом восприятия этой нации. Об «английском воскресенье», посвящённом молитвам, в России было принято писать с иронией. Что же касается католицизма, то за пределами Франции католическая религиозность считалась даже чрезмерной, тормозящей Просвещение (здесь наиболее ярким негативным примером служила Италия вообще и папский Рим в частности). Вопрос о безбожии за пределами Франции возник только во время революции 1848 г., когда «безбожными анархистами» называли венгерских повстанцев. Но даже тут русская пресса не показывала венгерское общество в целом безбожным, обвиняя в этом (и то отчасти) только лишь аристократию, устроившую восстание [22]. Таким образом, атеизм считался присущим одной конкретной стране, но склонным к расползанию и от этого опасным.

С точки зрения русской прессы, условия политического либерализма и отказа от религии привели к тому, что у французов исчез некий стержень, важный для поведения. Теперь парижане, а именно по ним судили в России о всех французах вообще, воспринимались пустившимися во все тяжкие. Жители французской столицы изображались людьми, занятыми прежде всего погоней за деньгами и удовольствиями.

Хорошее и вполне способное отобразить точку зрения большинства русских журналов описание Парижа дается в «Письмах из Парижа русской даме», помещённых в № 39 журнала «Современник» за 1845 г. Анонимный автор-путешественница замечает, что у парижан «нет искренних убеждений, нет постоянства. Жизнь дня, ощущение минуты, страсти партий, борьба правительства и оппозиции, многоречие и противоречие журналов, болтовня гостиных, деятельность для денег, движение из выгод промышленности, изобретательность спекуляций – как трудно из этого омута выходить ясному, великому!» [23, с. 116]. Обратим внимание, что основные претензии к парижанам – это непостоянство, отсутствие твердых убеждений и стяжательство, жизнь

для денег. Также частый термин, применявшийся к французской жизни – «разврат», вызванный погоней за удовольствиями. Термин «разврат» мог описывать французскую жизнь как в почти доброжелательном ключе – например, у М. П. Погодина Париж «любезный, умный, буйный, веселый, развратный» [24, с. 77], так и в негативном – как в случае с оценками французской культуры.

Разумеется, в первую очередь в развратности обвиняли парижан. Жители Нормандии, согласно «Живописному обозрению», «живут в патриархальной простоте» [25, с. 109], не ведая соблазнов и потрясений, известных Парижу, потому что «занимаются промышленностью первобытной». Крестьяне, работающие на себя, не столько гонятся за прибылью, сколько стараются привести землю вокруг себя «в цветущее состояние» [26, с. 148]. Столь же проста и гармонична жизнь лодочников на Роне и других жителей французской сельской глуши, живущих вдалеке от Парижа с его соблазнами и оставшихся в «первобытном состоянии».

Положительным примером сохранения нравственности также служили англичане. Русская пресса обращала внимание на благонравное поведение англичан в семейной жизни – например, на то, что их девушки «европейски воспитаны, но удалены от одуряющего шума европейской жизни» [27, с. 189]. Такая характеристика напрямую отсылала идеализированный образ английской девушки к тем требованиям, которые предъявлялись и к дворянской девушке в России [28, с. 11–92].

В целом русские журналы представляли французское общество погрязшим в разврате и явно противопоставляли французские порядки ситуации в России. Однако стоит отметить, что подобный положительный образ России вызван сугубо цензурными ограничениями. В непубличных документах – таких как отчёты Третьего отделения – мы видим на русской почве полный набор всего того, за что критиковали Запад [29].

Погоня за деньгами

Если говорить о капитализме в целом, то он воспринимался ещё одним ключевым недостатком западной жизни. Говоря о восприятии русской прессой капиталистических отношений, стоит заметить одну вещь. Сами по себе капиталистические отношения, предпринимательская деятельность, торговля, промышленность (в русском языке того времени слово, производное от «промысла», т.е. по определению подразумевавшее в себе нечто, связанное с частной инициативой) были предметом гордости для русской прессы, с восторгом отмечавшей, в частности, что «Нижегородская ярмарка превосходит крупнейшие ярмарки Германии». Примерно в таком же в позитивном ключе описывалась предприимчивость американцев. В 1850-е гг. имя американского театрального предпринимателя Ф. Барнума было широко известно в России, русская пресса много писала о его действиях. Предприятия и спекуляции жителей США описывались преимущественно в сочувственном ключе, где ирония соединялась с некоторым восхищением по поводу американской предприимчивости. Здесь,

возможно, свою роль играло то, что американцев воспринимали «молодой нацией», которая ещё только ищет свой путь.

Конфликт состоял в другом – в том, насколько дух торгашества и наживы должен входить в обычную жизнь. Здесь стоит обратить внимание на фигуру Д. Бентама. Бентам, автор теории утилитаризма, выступал в глазах русских публицистов олицетворением нарождавшейся европейской буржуазности в худшем понимании. Прямо Бентам выступает в такой роли в повести В. Ф. Одоевского «Город без имени» [30], где описана гибель цивилизации, взявшей за основу идеи Бентама и поставившей рационализм и выгоду выше морали и духовности. В повести Одоевского часто видят сатиру на Англию того времени, в таком ключе её анализирует Н. А. Ерофеев [31]. Такую трактовку мы считаем несколько узкой. Безусловно, Англия как страна наиболее активной капиталистической деятельности часто критиковалась. Достаточно вспомнить хотя бы описание Лондонской биржи как «храма золотого тельца». Однако отметим, что Одоевский в своей повести ставит вопрос об упадке и деградации культуры и морали, что как раз в религиозной викторианской Англии не замечалось. Негативные примеры английского капитализма стали появляться только в 1840-х гг., не в последнюю очередь из-за популярности работ Ч. Диккенса.

Наиболее часто примеры того, как «жёлтый дьявол» развращает людей и культуру, поступали опять-таки из Франции. Здесь речь шла об упадке культуры в комплексе. Так, в «Современнике» писали, что после 1789 г. во Франции нельзя найти нормального повара [32, с. 61–62]. Но чаще всего центром критики становилась ситуация во французской литературе. Это неудивительно – большинство русских журналов издавались писателями и воспринимали они себя, прежде всего, как литературные. Для русских писателей того времени вопрос коммерциализации литературы стоял достаточно остро, и дискуссии о том, может ли писатель работать ради денег, продолжались на протяжении всего периода [21, с. 84–100]. Ситуация во Франции служила здесь главным негативным примером.

Алчность и стремление к наживе – вот то, в чем обвиняли французское искусство того времени. Французское искусство эпохи романтизма считали в целом спорным и до Июльской Революции. Много шума наделала публикация в 1829 г. мемуаров палача Ш. Сансона, которые «Литературная газета» Дельвига признала аморальными [33]. Позже подобную же реакцию вызвала публикация мемуаров каторжника и основателя французской полиции Э. Видока. С точки зрения русской прессы, когда революция ликвидировала барьеры в виде государственной религиозности и цензуры, положение во французской культуре изменилось к худшему. Бедность французских писателей (в «Москвитянине» даже печатался анекдот о воре, залезшем в квартиру известного французского писателя и не нашедшем там ни гроша) и их тщеславие – «много маленьких наполеонов», по версии русской прессы, приводит к тому, что для достижения популярности

писатели не гнушаются ничем. В итоге создаётся то, что наиболее привлекает публику – произведения, полные крови и «разврата». Н. И. Надеждин в «Телескопе» в 1834 г. так характеризует современный ему французский театр: «Каждый вечер, на изящных зрелищах образованной нации, являются одни только гнусности». То, что создается во Франции эпохи романтизма, характеризуется словами «ужасы» (применительно к живописи) и «разврат» (применительно к литературе) [10, с. 361]. Лучшие французские писатели того времени – В. Гюго и А. Дюма – «имеют более таланта, чем вкуса, бегут на ложное поприще молвы», порождая после 1830 г. литературных «чудовищ» [34, с. 119–120]. Автор бульварных романов Поль де Кок является «одним из самых невинных французских писателей» [35, с. 36].

Поэтому в описании культурной жизни Франции всячески подчеркивалось, что в России ситуация намного лучше. Особенно это показывает статья С. П. Шевырева «Визит к Бальзаку» [10], написанная в форме полунтервью, где автор в разговоре с писателем доказывает, что в России и писатели, и преподаватели университетов независимы (от общественного мнения) и получают больше, чем аналогичные деятели Франции. Вообще, отношение Шевырева к свободе творчества здесь проявляется очень хорошо. С его точки зрения, цензура в России только полезна, ибо лишь отсекает проявления разврата, в то время как капиталистические и «мнимые» свободы Франции приводят к полной зависимости творца от общественного мнения, которое в принципе лишает его творческой свободы, заставляя потакать самым мрачным потаенным желанием публики – даже такой «развратной», как французы.

Подобные тенденции пугают русских писателей. В 1842 г. «Современник» публикует написанную в 1834 г.

повесть Н. В. Гоголя «Портрет» [36], где описывается перерождение талантливого русского живописца под влиянием жадности денег, усиленной бедностью и волшебным портретом (правда, итальянским, а не французским). Это был один из первых примеров страха того, что в России может произойти коммерциализация искусства, подобная западной. Во второй половине XIX в., когда это реально произошло и появился рынок литературы, «роман писательского краха» стал одним из поджанров [21, с. 17–330]. (А. И. Рейнтблат называет первым образцом такого поджанра «Тысячу душ» А. Ф. Писемского, вышедшую в 1858 г., т. е. сразу после окончания николаевского царствования [21, с. 320]).

Таким образом, мы видим, что русскую прессу в новейших тенденциях Запада более всего пугал политический хаос, атеизм и всевластие денег. С этой точки зрения заметно, что никаких 50 лет С. С. Уваров России не дал. Из всех «опасных тенденций» значительно задержать удалось только политическое развитие и конституционализм, и то Россия увидела нечто подобное политической борьбе в Июльской монархии с началом Великих реформ. Попытки же остановить секуляризацию мышления и коммерциализацию культуры и вовсе окончились полным провалом – «нигилизм» и капитализм начали проявлять себя в России уже в конце 1840 – начале 1850-х гг., а к началу Великих реформ Россия мало отличалась в этом плане от своих европейских соседей. Однако прессе удалось сформулировать (или поддержать) мнение о том, что либерализм, капитализм и атеизм являются чем-то неправильным в развитии. После того, как в 1860-е гг. возобладали концепция России как особой цивилизации [37], эти принципы стали уже играть роль политических факторов, определив дальнейшее направление русской общественной мысли.

Литература

1. Статистическая таблица военно-сухопутных сил Европы, составленная Бальби // Военный журнал, по Высочайшему Его Императорского Величества соизволению издаваемый военно-учёным комитетом. 1832. № 5. С. 146–148.
2. Шевырев С. П. Взгляд Русского на образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. 4. С. 219–296.
3. Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. 481 с.
4. Одоевский В. Ф. 4338-й год // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 367–399.
5. Погодин М. П. Пётр Великий // Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 1–15.
6. Политические и другие происшествия. Франция // Вестник Европы. 1827. № 7. С. 228.
7. Уваров С. С. Император Всероссийский и Бонапарт // Сын Отечества. 1814. Ч. XV. С. 82–87.
8. Пестель П. И. Русская правда. 2 редакция // Восстание декабристов. Документы. «Русская правда» П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие. М.: Госполитиздат, 1958. Т. VII. С. 116–187.
9. Погодин М. П. Месяц в Париже. Ч. 2 // Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 47–448.
10. Шевырев С. П. Визит к Бальзаку // Москвитянин. 1841. Ч. 2. С. 358–383.
11. Погодин М. П. Месяц в Париже. Ч. 1 // Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 76–130.
12. Взгляд на нынешнее состояние военных флотов Великобритании, Франции и Северо-Американских Соединенных Штатов (извлечено из *Revue Britannique* 1839 года) // Военный журнал, по Высочайшему Его Императорского Величества соизволению издаваемый военно-учёным комитетом. 1840. № 6. С. 95–122.
13. Иностранная известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и художества. 1852. № 7.
14. Соловьев К. А. Хозяин земли Русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 296 с.
15. Гордин Я. А. Николай Первый без ретуши. СПб.: Амфора, 2013. 543 с.

16. Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. 450 с.
17. Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и художества. 1852. № 3.
18. Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и художества. 1852. № 4.
19. Мильчина В. А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 944 с.
20. Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и художества. 1852. № 9.
21. Рейнтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
22. Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и художества. 1852. № 8. С. 65–69.
23. Письма из Парижа русской дамы // Современник. 1845. № 39. С. 113–146, 264–288.
24. Погодин М. П. Еще 2 недели в Париже // Москвитянин. 1841. № 3. С. 50–77.
25. Жители Нормандии // Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития, с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей. 1837. № 3. С. 107–110.
26. Нормандский мызник // Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития, с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей. 1837. № 3. С. 147–149.
27. Письмо иногороднего подписчика об английской литературе и журналистике // Современник. 1853. № 41. С. 177–194.
28. Шокарева А. Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 304 с.
29. Абакумов О. Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. М.: Центрополиграф, 2017. 319 с.
30. Одоевский В. Ф. Город без имени // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 352–367.
31. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. 320 с.
32. Роскошь стола в отношении к цивилизации // Современник. 1853. Т. 3. Ч. 6. С. 46–66.
33. Иностранная литература. Смесь // Литературная газета. 1830. № 5.
34. Французские драматурги, судимые английскими критиками // Телескоп. 1834. № 18. С. 116–130.
35. Актриса и писатель, роман Поль-де-Кока // Современник. 1848. № 10. С. 36–40.
36. Гоголь Н. В. Портрет // Гоголь Н. В. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 430–475.
37. Тесля А. А. Первый русский национализм и другие. М.: Европа, 2014. 280 с.

"WHAT THEORIES WILL BRING TO RUSSIA": THE NEGATIVE ASPECTS OF THE WESTERN WAY OF LIFE IN THE RUSSIAN PRESS OF THE TIMES OF NICHOLAS I

Ilya M. Startsev¹.@

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 17, Northern Dvina quay, Arkhangelsk, Russia, 163002

@iljastarcev@gmail.com

Received 18.04.2018. Accepted 09.06.2018.

Keywords:

Nicolay I, moral values, commercialization of literature, Conservatism, Liberalism, the West.

Abstract:

The article examines the image of the West in the Russian press of the era of Nicholas I. When considering the image of the West, the emphasis is on negative trends that the Russian press found in modern Western life. One of the main subjects of criticism was parliamentarism. The parliamentary system was criticized for its weakness and inability to pursue a consistent policy. Also, Russian magazines criticized the West for abandoning traditional values and deviating from religion. The departure from religious morality in France and other countries was perceived as a cause of cultural decline. Capitalism was criticized by Russian journals from the moral point of view. The commercialization of life, coupled with the decline of morality, was seen as the main reason for the decline of Western European literature. It is concluded that all trends

spotted by the Russian press in Western life began to manifest themselves in Russia at the end of the reign of Nicholas I and became public in the era of Alexander II.

For citation: Startsev I. M. «To, chto gotoviat Rossii teorii»: otritsatel'nye storony zapadnogo obraza zhizni v russkoi presse vremen Nikolaiia I ["What Theories will Bring to Russia": the Negative Aspects of the Western Way of Life in the Russian Press of the Times of Nicholas I]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 60–67. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-60-67>.

References

1. Statisticheskaiia tablitsa voenno-sukhoputnykh sil Evropy, sostavlennaiia Bal'bi [Balbi's statistic table of European military]. *Voennyi zhurnal, po vysochaishemu Ego Imperatorskogo Velichestva soizvoleniiu izdavaemyi voenno-uchenym komitetom* = *Military magazine, according to His Imperial Majesty's highest resolution issued by the Military Scientific Committee*, no. 5 (1832): 146–148.
2. Shevyrev S. P. Vzgliad Russkogo na obrazovanie Evropy [Russian view to the European Enlightenment]. *Moskvitianin* = *Moskovite*, part 4 (1841): 219–296.
3. Tiutchev F. I. *Stikhotvoreniia. Pis'ma. Vospominaniia sovremennikov* [Poems. Letters. Memoirs of contemporaries]. Moscow: Pravda, 1988, 481.
4. Odoevskii V. F. 4338-i god [Year 4338]. *Russkaia fantasticheskaiia proza epokhi romantizma (1820–1840 gg.)* [Russian fantastic prose of the Romantic era (1820–1840)]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991, 367–399.
5. Pogodin M. P. Petr Velikii [Peter the Great]. *Moskvitianin* = *Moskovite*, part 1 (1841): 1–15.
6. Politicheskie i drugie proisshestiia. Frantsiia [Political and other events. France]. *Vestnik Evropy* = *Herald of Europe*, no. 7 (1827): 228.
7. Uvarov S. S. Imperator Vserossiiskii i Bonapart [Russian Emperor and the Bonaparte]. *Syn Otechestva* = *Son of the Fatherland*, part XV (1814): 82–87.
8. Pestel' P. I. Russkaia Pravda [Russian Law]. *Vosstanie dekabristov. Dokumenty. «Russkaia Pravda» P. I. Pestelia i sochineniia, ei predshestvuiushchie* [Decembrist revolt. Documentation. "Russian Truth" P. I. Pestel and the works that preceded it]. Moscow: Gospolitizdat, 1958, 116–187.
9. Pogodin M. P. Mesiats v Parizhe. Ch. 2 [A Month in the Paris. Part 2]. *Moskvitianin* = *Moskovite*, part 1 (1841): 47–448.
10. Shevyrev S. P. Vizit k Bal'zaku [A Visit to Balzac]. *Moskvitianin* = *Moskovite*, part 2 (1841): 358–383.
11. Pogodin M. P. Mesiats v Parizhe. Ch. 1 [A Month in the Paris. Part 1]. *Moskvitianin* = *Moskovite*, part 1 (1841): 76–130.
12. Vzgliad na nyneshnee sostoianie voennykh flotov Velikobritanii, Frantsii i Severo-Amerikanskikh Soedinennykh Shtatov (izvlecheno iz Revue Britannique 1839 goda) [View of the modern fleets of the UK, France and the USA (from Revue Britannique)]. *Voennyi zhurnal, po Vysochaishemu Ego Imperatorskogo Velichestva soizvoleniiu izdavaemyi voenno-uchenym komitetom* = *Military magazine, according to His Imperial Majesty's Highest Resolution issued by the Military-Scientific Committee*, no. 6 (1840): 95–122.
13. Inostrannye izvestiia [Foreign News]. *Syn otechestva. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva* = *Son of the Fatherland. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva*, no. 7 (1852).
14. Solov'ev K. A. *Khoziain zemli Russkoi? Samoderzhavie i biurokратиia v epokhu moderna* [Master of Russia? Autocracy and Bureaucracy at the Age of Modern]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 296.
15. Gordin Ia. A. *Nikolai Pervyi bez retushi* [Nicolas I without retouch]. Saint-Petersburg: Amfora, 2013, 543.
16. Cherkasov P. P. *Aleksandr II i Napoleon III. Nesostoiavshiiia soiuz (1856–1870)* [Alexander II and Napoleon III. The unfulfilled alliance.]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniia KMK, 2015, 450.
17. Inostrannye izvestiia [Foreign News]. *Syn otechestva. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva* = *Son of the Fatherland. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva*, no. 3 (1852).
18. Inostrannye izvestiia [Foreign News]. *Syn otechestva. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva* = *Son of the Fatherland. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva*, no. 4 (1852).
19. Mil'china V. A. *Parizh v 1814–1848 godakh: povsednevnaia zhizn'* [Everyday life in 1814–1848 Paris]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 944.
20. Inostrannye izvestiia [Foreign News]. *Syn otechestva. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva* = *Son of the Fatherland. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva*, no. 9 (1852).
21. Reintblat A. I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* ["From Bova to Balmont" and other Russian literature sociology studies]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 448.
22. Inostrannye izvestiia [Foreign News]. *Syn otechestva. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva* = *Son of the Fatherland. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva*, no. 8 (1852): 65–69.
23. Pis'ma iz Parizha russkoi damy [Lettres from Paris by the Russian Lady]. *Sovremennik* = *Contemporary*, no. 39 (1845): 113–146, 264–288.
24. Pogodin M. P. Eshche 2 nedeli v Parizhe [2 weeks in Paris more]. *Moskvitianin* = *Moskovite*, no. 3 (1841): 50–77.
25. Zhiteli Normandii [Inhabitants of Normandy]. *Zhivopisnoe obozrenie dostopamiatnykh predmetov iz nauk, iskusstv, khudozhestv, promyshlennosti i obshchezhitiiia, s prisovokupleniem zhivopisnogo puteshestviia po zemnomu*

sharu i zhizneopisanii znamenitykh liudei = A picturesque survey of memorable subjects from the sciences, the arts, the arts, industry and the hostel, with the addition of a picturesque journey around the globe and the biographies of famous people, no. 3 (1837): 107–110.

26. Normandskii myznik [Normandian Farmer]. *Zhivopisnoe obozrenie dostopamiatnykh predmetov iz nauk, iskusstv, khudozhestv, promyshlennosti i obshchezhitia, s prisovokupleniem zhivopisnogo puteshestviia po zemnomu sharu i zhizneopisanii znamenitykh liudei = A picturesque survey of memorable subjects from the sciences, the arts, the arts, industry and the hostel, with the addition of a picturesque journey around the globe and the biographies of famous people*, no. 3 (1837): 147–149.

27. Pis'mo inogorodnego podpischika ob angliiskoi literature i zhurnalistike [Letter from our subscriber from another city about English literature and Journalism]. *Sovremennik = Contemporary*, no. 41 (1853): 177–194.

28. Shokareva A. *Dvorianskaia sem'ia: kul'tura obshcheniia. Russkoe stolichnoe dvorianstvo pervoi poloviny XIX veka* [A Noble family – Culture of communication. Russian nobility of the first half of XIX century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 304.

29. Abakumov O. Iu. *Tret'e otdelenie na strazhe npravstvennosti i blagochiniia. Zhandarmy v bor'be so vziatkami i porokom 1826–1866 gg.* [The Third department in fight against bribes and depravity. 1826–1866]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017, 319.

30. Odoevskii V. F. *Gorod bez imeni* [The City without a Name]. *Russkaia fantasticheskaia proza epokhi romantizma (1820–1840 gg.)* [Russian fantastic prose of the Romantic era (1820–1840)]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991, 352–367.

31. Erofeev N. A. *Tumannyi Al'bion: Angliia i anglichane glazami russkikh, 1825–1853 gg.* [Foggy Albion: Russian view to England and Englishman, 1825–1853]. Moscow: Nauka, 1982, 320.

32. Roskosh' stola v otnoshenii k tsivilizatsii [Luxury of Food and Civilization]. *Sovremennik = Contemporary*, 3, part 6 (1853): 46–66.

33. Inostrannaia literatura. Smes' [Foreign Literature. Miscellaneous]. *Literaturnaia gazeta = The Literary Newspaper*, no. 5 (1830).

34. Frantsuzskie dramaturgi, sudimye angliiskimi kritikami [French playwrights, tired by British critics]. *Teleskop = The Telescope*, no. 18 (1834): 116–130.

35. Aktrisa i pisatel', roman Pol'-de-Koka [Paul de Cock's novel “The Actress and the Writer”]. *Sovremennik = Contemporary*, no. 10 (1848): 36–40.

36. Gogol' N. V. *Portret* [The Portrait]. Gogol' N. V. *Izbrannye sochineniia* [Selected works]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1984, 430–475.

37. Teslia A. A. *Pervyi russkii natsionalizm i drugie* [The First Russian Nationalism and others]. Moscow: Evropa, 2014, 280.